

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-31-38

КАТЕГОРИЯ ЭМОТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© Евгений Ивницкий

THE CATEGORY OF EMOTIVITY IN MODERN RUSSIAN LITERATURE

Evgeny Ivnitsky

The article discusses issues related to the qualifying modus category of emotivity and the ways of its expression in contemporary Russian literature of the second and third decades of the 21st century. The category of emotivity closely interacts with the categories of modality and evaluation, while explicating the qualifying subject, which makes it possible to analyze the degree of emotionality and the level of emotive evaluation. A decrease in emotionality and a shift towards a negative assessment of emotives is noted in modern literary texts as well as the predominance of primary, sensual emotions over cultured ones. Examples are given of the texts written by the most readable modern authors. In some stories, the category of emotivity is analyzed in dynamics, that is, a decrease or increase in the emotionality of the characters can be traced. In other works, emotionality is considered either in connection with the author's attitude to what is being reported, or in interaction with life values, which form the emotional state of the characters. It was important to focus on what family and moral values are expressed through emotions. As a means of expressing emotionality, we highlight the vocabulary of emotions with nuclear and central emotive meanings, as well as syntactic and artistic means of their expression, which are often characterized by a peripheral zone of emotivity.

Keywords: emotivity, feelings, evaluation, modality, metaphor, image, emotional vocabulary, vocabulary of emotions, context

В статье рассматриваются вопросы, связанные с квалификативной модусной категорией эмотивности и способами ее выражения в современной русской литературе второго и третьего десятилетия XXI века. Категория эмотивности тесно взаимодействует с категориями модальности и оценочности, эксплицируя при этом квалифицирующего субъекта, что позволяет анализировать степень эмоциональности и уровень оценки эмотивов. Отмечается снижение эмоциональности в современных художественных текстах, уход в сторону отрицательной оценки эмотивов, а также преобладание первичных, чувственных эмоций над окультуренными. Примерами послужили тексты наиболее читабельных современных авторов. В отдельных рассказах категория эмотивности анализируется в динамике, то есть отмечается снижение или усиление эмоциональности героев. В других произведениях эмоциональность рассматривается либо в связи с авторским отношением к сообщаемому, либо во взаимодействии с жизненными ценностями, которые и формируют эмоциональное состояние героев. Важным было обратить внимание на то, какие семейные и нравственные ценности выражаются посредством эмоций. В качестве средств выражения эмоциональности отмечается эмоциональная лексика, лексика эмоций с ядерным и центральным эмотивным значением, а также синтаксические и художественные средства их выражения, для которых часто свойственна периферийная зона эмотивности.

Ключевые слова: эмотивность, чувства, оценочность, модальность, эмоциональная лексика, лексика эмоций, контекст

Для цитирования: Ивницкий Е. Категория эмотивности в современной литературе // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №4 (74). С. 31–38. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-31-38

Введение

Эмотивность в лингвистике рассматривается как квалификативная модусная категория, которая эксплицирует субъект речи, тесно взаимодействуя с оценочностью и модальностью, вы-

ражает эмоциональное отношение человека к явлениям действительности. Эмоциональное отношение к сообщаемой информации и к действительности в полной мере проявляется в художественной литературе, однако для современных

художественных текстов свойственен, как мы убедимся далее, уход от излишней эмоциональности. Соответственно меняются и средства выражения эмоций, и эмоциональная оценка. По словам Н. Ивановой, в современной литературе уже появляется «мода на полную бесстрастность, отчужденность от чувства, отказ от его изображения, нежелание иметь дело со страданием и с состраданием, а также гневом, радостью, страхом и печалью» [1, с. 4]. При этом важно понимать, что чувства и воля человека – важнейшие факторы в познании действительности. Психологическая деятельность человека, состоящая из интеллектуального, эмоционального и волевого факторов, по идее должна вести к единству эмоций, мышления и воли.

Основная часть

По утверждению В. И. Шаховского, как языковая категория эмотивность образует внутрисловные и межсловные парадигмы, а эмотивное слово имеет либо эмотивное значение, либо эмотивную коннотацию, либо эмотивный потенциал, то есть может содержать «обязательный, факультативный и потенциальный» эмотивный компонент [2, с. 77–78]. И если обязательная и факультативная эмотивность зависят от лексической семантики, то потенциальная эмотивность, по утверждению Л. Г. Бабенко, может наводиться на «любое слово» [3, с. 3]. Другими словами, средствами выражения эмоциональности могут быть не только компоненты значения слова, но и контекст, эксплицирующий соответствие или несоответствие положения дел намерениям субъекта. Следовательно, эмоциональная оценка выражает эмоциональное отношение говорящего к сообщаемому, соединяясь тем самым с имплицитной категорией субъективной модальности и эксплицируя ее квалификативные свойства: *Добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь ее наконец нашла себе достойного жениха (А. Пушкин)* [4]; *Я искренне радуюсь вашему счастью, Ирина Петровна (И. Тургенев)* [Там же] (здесь и далее разрядка наша – Е. И.). Здесь предикат *радоваться* выражает сильное чувство веселия, душевного подъема субъекта. В первом примере грамматический субъект не совпадает с говорящим, который, хотя и характеризует Прасковью Петровну как добрую и радостную, но это больше фактическая оценка, чем эмоциональная; во втором же примере говорящий является и грамматическим субъектом, поэтому эмоциональность коммуникативно подчеркивается в высказывании и интонационно, и обращением.

Вот, например, слово *нравиться* имеет следующее значение «доставлять удовольствие и

радость своим существованием или качеством» [5]: *Да, это вечно, это инстинкт – нравиться – всем и всегда, от пещерных времен и донныне (А. Славовский)* [4]. Это эмотивное слово указывает, прежде всего, на имплицитного деятеля и его отношение, потому что эмотивность всегда предполагает ее выразителя, следовательно, и все высказывание приобретает эмоционально-оценочную окрашенность.

В высказывании эмотивные предикаты (*нравиться, радоваться*) выражают оценку субъекта без оценивания качеств объекта, и это подтверждает лишь субъективность эмоциональной оценки. Например: *Городок начинал ей даже нравиться, особенно когда пришла зима и завалила его снегом (К. Паустовский)* [Там же]. Предикат *нравиться* имеет значение «приходиться по вкусу, производить на кого-либо хорошее впечатление, вызывать расположение к себе» [6].

Исходя из данных примеров, следует, во-первых, разделить чувства и эмоции, в том числе и в семантической структуре предложения; во-вторых, принять во внимание психологическое понимание эмоций, которые сводятся к трем основным: радости, гневу, страху, хотя, например, К. Изард [7, с. 51] выделяет девять основных эмоций; в-третьих, разделить в языке эмотивность, оценочность и определить их квалификативную функцию в предложении; в-четвертых, отметить взаимодействие эмотивности с другими модальными категориями, а именно с модальностью и оценочностью.

Эмотивная лексика всегда коммуникативно значима, и если не является предикатом, то обычно входит в группу сказуемого, или в ремагическую структуру высказывания.

Рассмотрим, что происходит сейчас с квалификативной модальной категорией эмоциональности. В качестве примеров проанализируем произведения наиболее читаемых современных авторов: Д. Рубиной, Е. Водолазкина, Л. Петрушевской, Ю. Мамлеева.

В современной русской литературе, как уже было сказано, эмоции чаще сдержанны, а отношение к ним отрицательное. В книге Д. Рубиной «Вавилонский район безразмерного города» говорится об отрицательном отношении к старикам и их эмоциям. Например: *Старики занудны. Старики рассказывают ветхозаветные притчи, интересные одним лишь тараканам на кухне. Старики допотопны, их проблемы ничтожны, их жалобы смешны* [8, с. 7]. Автор использует метафоры (*ветхозаветные притчи, интересные тараканам*), которые, как известно, выражают эмоционально-оценочную реакцию. Слово за-

нудны разговорное, и поэтому «дает оценку тому, что называет» [9, с. 122]. Кроме того, оценочное слово находится в позиции предиката и выступает в роли квалификатора сообщаемой информации. Далее оценка поясняется, конкретизируется, что придает ей эмоциональности.

Причины отрицательного эмоционального отношения можно увидеть в другом примере этого рассказа, где видно, как представители разных поколений по-своему оценивают действительность, по-разному относятся к окружающим. Например: *Хляньте на этих паразитов! Такое хоре кругом, люди остались без дому, без постели, а у вас одни удовольствия в голове!* [8, с. 10]. Речь бабушки, конечно, очень эмоциональна, лексика содержит отрицательную коннотацию (*паразитов*). Восклицательная интонация передает не только эмоциональное состояние, но и непонимание того, как дети могут быть такими бесчувственными и безучастными к горю других. Эмоции удивления и гнева направлены на детей, которые либо не понимают сложившейся ситуации, либо не знают, что надо выразить сочувствие.

В приведенном примере эмоциональность можно разделить на «лексику эмоций и эмоциональную лексику» [3, с. 12]. Слова, называющие эмоции (*горе, радость*), некоторые исследователи считают не эмотивными, так как они «не выражают отношение к адресату», но оценочными, а значит, и потенциально эмотивными [10, с. 35]. В данном примере эмоциональное состояние актуализируется ситуацией, в которой противопоставляются разные образы и указывается на неуместное поведение. Возможно, эта особенность в использовании лексики эмоций, характерная для старшего поколения, свойственна и более поздней литературе, а современное поколение, как и современная литература, старается выглядеть рациональной, уверенной в себе, прагматичной.

Эмоциональность всегда присутствовала в русской литературе. Даже если не брать целое чувственное направление, сентиментализм, то можно найти много тому подтверждений. И довольно интересно сравнить с этой точки зрения художественные образы, например, литературы XIX века и современной литературы. Так, в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», отличающегося своей эпичностью, много героев, которые характеризуются эмоциональностью. Это не только оживляет образы героев, но и передает быт того времени, типичные характеры героев, взять хотя бы нравственные искания Андрея Болконского. Надо отметить, что князь Андрей вовсе не отличался сентиментальным характером,

а, наоборот, рационально смотрел на жизнь, и, тем не менее, ему свойственно и чувственное восприятие жизни, и выражение эмоций. Например:

«Да, он тысячу раз прав этот дуб, – думал князь Андрей, – пускай другие, молодые, вновь поддаются на этот обман, а мы знаем жизнь, – наша жизнь кончена!» Целый новый ряд мыслей безнадежных, но грустно-приятных в связи с этим дубом возник в душе князя Андрея [11, с. 513].

Речь идет о мыслях безнадежных, но грустно-приятных. Почему же все-таки приятных? Объяснение этому мы видим дальше: герой должен доживать свою жизнь, не делая зла, не тревожась и ничего не желая. Одиночество здесь не безнадежное, у героя есть нравственный стержень, потому что неделание зла уже способно успокоить человека, подготовить его к духовному обновлению, что и происходит впоследствии:

Старый дуб, весь преобразенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млея, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца. Ни корявых пальцев, ни болячек, ни старого горя и недоверия – ничего не было видно... «Да это тот самый дуб», – подумал князь Андрей, и на него вдруг нашло беспричинное веселее чувство радости и обновления [Там же, с. 517].

В этом примере одиночество не было абсолютно безнадежным, потому что у героя еще остались чувства. Он потерял жену, но были те, кого он любил, сын, сестра, отец. У героя осталась эмоционально благоприятная среда, поэтому он пытается найти сочувствие у природы, выразить свое к ней отношение, и его грустное отношение к жизни сменилось радостью.

Кваликативное эмотивное значение выражается здесь предикатом *млея* (находился в состоянии истомы, наслаждаясь покоем), а также рядом однородных членов предложения, усиливающих эмотивное отношение к сообщаемому.

В современной литературе мы также встречаем одиноких героев, но их эмоциональное состояние выглядит уже по-иному. Проанализируем рассказ «Дорога домой» Дины Рубиной. Например: *Я же не понимала, кому и чем так помешала моя беготня по окрестным улицам и дворам, чтобы захихивать меня в автобус с целой оравой горластых обормотов и так далеко увозить: растерянность кошки, выглядывающей из неплотно застегнутой сумки* [8, с. 9]. Образ ребенка сопоставляется с образом растерянной кошки, а отрицательную оценку эмоциональному состоянию придают разговорные слова *захихивать, обормотов*.

Дальше чувство страха и растерянности сменяется одиночеством: *Я шла, чувствуя направление внутренним вектором, как та же кошка, завезенная черт в какую даль... Именно одной и ночью, молча возражала я, только одной и ночью можно было проделать этот одинокий путь* [Там же, с. 10]. Героиня находится в эмоциональном, взволнованном состоянии, но она молча возражает родителям. Родители не понимают, как можно сбежать из пионерского лагеря, а девочка не может с ними об этом искренне поговорить: возможно, в семье не принято говорить о чувствах и переживаниях, когда дело касается общепринятых норм. И свое возражение героиня заканчивает безнадежным рассуждением: *Мне кажется, в ту ночь возвращения домой под невыразимо ужасным и невыразимо величественным небом я поняла несколько важных вещей. Что человек одинок. Что он несчастен всегда, даже если очень счастлив в данную минуту* [Там же, с. 13].

Здесь используется и эмоциональная лексика, и лексика эмоций (*невыразимо ужасный, несчастен всегда*). В этом примере речь идет уже действительно о безнадежном одиночестве, даже счастье рассматривается как вид несчастья. Отношения между родителями и ребенком в полной мере напоминают человека и ненужное домашнее животное: *Мама же причитала, ужасалась, сокрушалась... Да другой бы мечтал бы о таком счастье... и вообще, полюбуйтесь на это чудо – разве это нормальная девочка?* [Там же].

Типичный пример конфликта отцов и детей заключается не в противоборстве идей или чувств, а в полном непонимании друг друга, в отсутствии общего эмоционального настроения.

Роль эмоций в жизни человека отчетливо видна в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор». Герой-рассказчик оказался в больнице, он ничего не помнит, память возвращается постепенно, понемногу, и вот что он вспоминает. Например: *Я плачу... только ведь плачу я не от страха – от избытка чувств. От восхищения мужеством и великой славой этих людей (пожарных)* [12, с. 53]. Плач героя связан с положительным чувством восхищения, то есть вспоминаются не только слезы, но и чувства, которые переживает и выражает герой. Также здесь хорошо видно взаимодействие чувств и эмоций: объективное чувство страха (от пожара) сменилось (при виде пожарных) на радость, и поэтому герой выражает эмоцию восхищения. Вспоминается герою и другое эмоциональное состояние:

Человек... режет колбасу ровными кружками, один за другим отправляет их в рот. Скорбная трапе-

за. Грустно запивает их водкой. Вот, надо же, ничего особенного, и врезалось в память [Там же, с. 57].

Неприметное событие, но запомнилось чувство, с которым герой ест и пьет. Самые же яркие эмоциональные впечатления связаны с семьей:

...Я люблю большое скопление народа. Тогда еще люблю... Отец выходил на перрон и целовал нас – сначала меня (подняв на руки), затем маму, – и появление его было несказанным счастьем. Счастье, счастье, говорил я про себя, увидев отца [Там же, с. 94].

Чувство счастья, которое испытывает героиня, вспоминается ему в деталях, как, впрочем, и другие чувства. Именно чувства и эмоции приводят героя к жизни, особенно детские положительные эмоции, и через такое осознание он начинает вспоминать прошлое.

В романе «Авиатор» говорится об особенностях современного общества, в котором легко сочетается эмоциональность и практичность: *А может, это стиль эпохи? Поколение юристов и экономистов. Только где же, спрашивается, мечта? Полет где?* [Там же, с. 210].

В другом произведении Е. Г. Водолазкина «Русский акцент» рассказывается история любви, при этом эмоциональное состояние героев получает необычное развитие. Например:

На досуге Юрий рассуждал о том, что и в самом деле не знает, зачем разбирают и собирают автомат на время. Как много, удивлялся он, вещей необъяснимых, но ставших частью русского бытия, – что, собственно, и отличает нас от них. Марта же удивлялась тому, как иррационально устроена русская жизнь [13].

Герои знакомятся и открывают для себя много нового и удивительного. Здесь чувство удивления связано, скорее, с отрицательной оценкой (*иррационально устроена*). Хотя герой рассказывает о русской жизни с большим воодушевлением и радостным чувством, логичные и практические вопросы Марты ставят его в тупик. Далее следует рассказ Марты о немецкой жизни:

Описывала (Марта), как всем классом собирали деньги на немецкие книги для детей Зимбабве, как, купив книги, распределили их по десяти посылкам, причем в каждую посылку вложили еще по несколько плиток шоколада. Дети Зимбабве (печальная трель велосипедного звонка) им так и не ответили [Там же].

Дети сделали доброе дело, но испытали вместо радости чувство печали, так как им не ответили взаимностью. О своих детских чувствах и впечатлениях рассказывает и Юрий:

Однажды Юрий описал ей, как, вооружившись цепями, ездили они с ребятами под Челябинск бить торговцев наркотой. «Зачем бить?» – спросила Марта. – «Так ведь они наркотой торгуют...» – «А полиция зачем?» – «Какая полиция... Полиция с ними в доле». (Марта) произнесла еще медленнее, чем обычно: «В этом, знаешь, разница между нами и вами. Такие вещи должна делать только полиция» [Там же].

Действительно, в этом разница: там нужно делать правильно, по закону, а у нас на первом месте чувство, часто чувство справедливости, хотя, возможно, это и не всегда оправдано.

Герои рассказа проникаются взаимной симпатией, им хочется лучше узнать друг друга: *Сегодня я хочу проехать через Английский сад... В спокойном Мюнхене мне не хватает риска. Вероятно, я стала немного русской* [Там же]. Как отметила Н. Д. Арутюнова, «эмоции создаются рядом противоречащих образов (особенно любовь)» [14, с. 11]. Противопоставление образов двух героев приводит к взаимной влюбленности, но рациональное объяснение событий берет верх над чувствами:

«Это наркоманы (в саду), – нарушила тишину Марта... – И правильно, что вы никак не стали препятствовать». Юрию показалось, что в этих словах промелькнул оттенок разочарования. «В таких случаях разумнее уступить, – продолжала Марта. – А мы завтра напишем заявление в полицию». – «Да, – согласился Юрий, – пусть этим делом занимается полиция». Через два месяца они обвенчались [13].

Именно такими фразами заканчивается рассказ.

С рациональной точки зрения все закончилось хорошо, с оценкой со знаком «+», но где же чувства, где признания или хотя бы элементы романтики? Принять правильную и разумную жизнь – это, конечно, хорошо. Но если чувств и эмоций нет, то оценка «хорошо» снижается до «нормально», если не ниже. Следует учитывать, что «в эмоциях присутствует разная доля чувства и оценки, поэтому первичные эмоции – чувственные, а вторичные – окультуренные» [15, с. 370].

На отсутствие эмоций оказывают влияние жизненные ситуации. В рассмотренном выше рассказе личные отношения героев связаны с культурными и политическими вопросами, которые и повлияли на их отношения. В поиске национального самосознания герой отказывается от личного и эмоционального начала и подчиняет себя разумному, должному поведению. В качестве примера хотелось бы привести слова Дмитрия Рогозина о русской эмоциональности,

чтобы лучше осознавать современные тенденции. «Мы всегда относились к категории очень <...> эмоциональных наций. Русские очень эмоциональный народ. Мы гораздо эмоциональнее итальянцев. <...> Я скажу вещь очень непопулярную, но мне кажется, что мы должны создать в России ситуацию геополитической рутины. Когда мы будем хладнокровны в определении угроз в наш адрес и еще более хладнокровны в ответах на эти угрозы» [16].

Эмоциональная лексика по-особому отражалась в литературе 80-90-х годов, обнаруживая свойственные ей конфронтационно-невротические эмоции, которые характеризуются критикой окружающих: родственников, соседей или представителей власти. Отрицательные эмоции формировались из-за недостаточного внимания к нравственным проблемам, и причину всех бед люди искали не в себе, а в окружающих. Это своего рода поиск козла отпущения, чтобы выплеснуть на него все зло. И обычно уход от конфронтации не способствовал решению проблем, которые находили человека везде.

В конфронтационной литературе категория эмотивности выполняет функцию квалификативной модусной категории, так как в ней есть отношение между субъектом и объектом речи. Так, междометия, имеющие в своем значении обязательный эмотивный компонент, участвуют в квалификации сообщаемого либо на уровне пропозиции, либо на уровне модуса. Подобного рода пример есть в произведении Л. Петрушевской «Новые Робинзоны»:

Однажды ночью мы услышали под дверью писк как бы котенка и обнаружили младенца, завернутого в старую замасленную телогрейку. Отец, который претерпелся к Лене и даже приходил к нам днем кое-что поделывать по хозяйству, тут ахнул [17].

Даже вдали от цивилизации проблемы находят героя, выводят его из себя, вызывая отрицательные эмоции. Слово *ахнул* образовано от междометия и обозначает сильное потрясение, которое испытывает человек. Также этот эмотив находится в предикативной позиции, что способствует выражению эмотивного отношения на уровне модуса.

Конфронтация эмоций, о которой уже было сказано, заключается в поиске внешнего врага, в желании найти виновного в своих несчастьях. Например: *Все становится сложным, когда речь идет о выживании в такие времена, каковыми были наши, о выживании старого немолодого человека перед лицом сильного молодого семейства* [Там же]. Эмоции, выражающие чувства сожаления, страха, указывают на оценку ситуации

с точки зрения субъекта речи. В данном примере эмоциональность создается противопоставлением образов старого и молодого поколений, и эти образы поясняют отрицательную оценку предиката – *становится сложным*. Так квалификативная категория эмоциональности взаимодействует с оценочностью.

Современной литературе если и свойственна эмоциональность, то это эмоции с отрицательной оценкой или отрицательной коннотацией, либо, как уже было сказано, это отказ от личных эмоций в пользу общественной или национальной идентификации. Можно предположить, что происходит уход не просто от эмоций, а уход положительных эмоций, а значит, и уход положительных ценностей. Подобного рода эмоциональность можно наблюдать в произведениях Л. Петрушевской, Ю. В. Мамлеева.

В сборнике Ю. В. Мамлеева «О чудесном» есть рассказ, который называется «Счастье». Речь здесь и идет о счастье, но не без доли иронии и с отрицательной коннотацией, так что вряд ли читатель позавидует описанному счастью героев:

«Что есть счастье? – вдруг громко спрашивает Гриша... – Слышь, браток... Почему ты счастлив... Скажи... Корову подарю»...

Михайло молчит, утонув в пиве [18].

Автор с иронией рассказывает, что друзья после очередного запоя лечатся пивом, и «выражение их лиц трезвое и смиренное». Несоответствие образов пьяных дружков с возвышенной темой о счастье способствует выражению эмоционального состояния героев: один из них доволен жизнью, а другой – нет: – *Очень скучно мне вставать по утрам... – «Плохое это, – мычит Михайло. – Счастье – это довольство... И чтоб никаких мыслей», – наконец проговаривает Михайло* [Там же]. Для героя рассказа счастье заключается в чувственном наслаждении, и такое счастье, конечно же, вызывает у читателя отрицательную оценку, да и у друга Михаила тоже. Но, с другой стороны, герои думают о счастье, ищут его, поэтому они не безнадежны. А научный подход к жизни, например, заключающийся во влиянии количества (выпитого) на качество (жизни), поможет им в поиске: «*В секту пойду», – бросив волосы на нос, произносит Гриша. Михайло возмущается. – «Не по-научному так, – увещевает он. – Не по-научному»* [Там же].

Пример ухода от эмоций можно видеть в рассказе Л. Петрушевской «Нагайна», где пренебрежение положительными эмоциями приводит героя к разочарованию и одиночеству, то есть отказ от положительных эмоций неизбежно при-

водит к отрицательным эмоциям. Например: *Мордочка хорошенькая, фигура прекрасная, ножки длинные, все как надо. Но лицо! Сияет счастьем буквально* [19, с. 6]. Слово *счастье* употребляется здесь с отрицательной оценкой. Герою нравится в девушке все, кроме счастливого выражения лица, и он, можно сказать, убегает от нее, хотя потом жалеет об этом, но найти ее уже не может: *Он постоял, тяжело дыша, погладил ледяную шершавую поверхность, как будто это был надгробный камень, и поплелся назад* [Там же, с. 210]. Герой находится в поиске счастья, но внутренняя пустота, бессцельность жизни лишают его положительных эмоций.

Крайнюю периферию ЛСП (лексико-семантического поля) эмотивности занимают слова потенциально эмотивные, в которых эмотивное значение возникает из контекста или из ситуации, что можно наблюдать в последнем примере, это так называемые слова-символы, но тем не менее для семантической структуры предложения они остаются актуализаторами эмотивной квалификации.

Приведенные выше примеры показывают, что отказ в жизни от положительной эмоциональности вряд ли поможет решить все проблемы или сделать человека более счастливым, а вот создание в обществе культуры эмоций, которая бы строилась на традиционных ценностях и развитии образования, способствовало бы укреплению русской нации. Хорошим примером может служить высказывание директора музея Джеймса Брэдберна о «Выставке современного искусства»:

Семьи – приоритет для нас. Я верю, что именно эмоции меняют людей, а семья – это пространство концентрации эмоций. Интенсивный обмен эмоциями запоминается на всю жизнь, и наша задача – создать как можно больше ситуаций для такого обмена [20].

Выводы

1. В плане квалификативных модусных категорий категория эмотивности тесно взаимодействует с категориями оценочности и экспрессивности, но в то же время не сливается с ними. Категория эмотивности в языке может быть представлена как эмотивное семантическое поле с ядерным и периферийным эмотивным значением. К ядерной зоне эмотивного семантического поля относятся слова с обязательным эмотивным компонентом; лексемы с вторичной эмотивностью (коннотативы) относятся к периферийной зоне как менее частотные и контекстуально зависимые; к дальней и крайней периферии относятся слова с потенциальной эмотивностью: это ли-

бо слова-символы, либо слова, получившие эмоциональность из эмоциональной ситуации.

2. Исследование показало, что в современной русской литературе, литературе третьего десятилетия XXI века наблюдается снижение эмоциональности. С одной стороны, это уход от эмоционального восприятия действительности в пользу социальной или национальной проблематики, с другой – снижение эмоциональной оценки в нравственной характеристике героев.

3. Эмоциональная лексика чаще содержит отрицательное эмоциональное значение, хотя в языке именно такая лексика и преобладает, а лексика эмоций либо содержит отрицательную коннотацию, либо употребляется с иронией.

4. Возможно, что срабатывает принцип: все хорошее человек считает нормой, а отклонение от нормы заслуживает внимания. Эмоциональное состояние героев, как правило, создается с помощью метафор и других тропов, с помощью противоречащих образов и ситуаций.

5. Это особенно заметно при сопоставлении примеров из произведений «Авиатор» Е. Г. Водолазкина и «Война и мир» Л. Н. Толстого. Эмоциональное состояние героев различно, хотя романы пользуются успехом у читателя.

6. Слова-символы как актуализаторы мотивной квалификации тоже подвергнуты переосмыслению, становясь знаками сомнительных эмоций.

7. Кроме того, снижение эмоциональности в современной литературе наблюдается и в уходе от окультуренных эмоций к эмоциям первичным, чувственным, и, как правило, это связано с утратой традиционных ценностей. Особенно это видно в сравнении с русской литературой XIX века. Эмоциональная деятельность человека тесно связана с познавательной деятельностью, поэтому уход от эмоций – это уход и от познания, от интереса к жизни.

8. Создание в обществе культуры эмоций – такова задача литературы, отражающей и уход эмоций из психологии героев текста (провал эмоций в литературном отражении), и зреющую необходимость усиления этого квалификативного признака – эмоциональности как необходимой черты в литературном отражении происходящего.

Список источников

1. Иванова Н. Запрет на любовь. О дефиците эмоций в современной словесности // Знамя, 2011, № 11. С. 3–5.
2. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

3. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: изд-во Урал. ун-та. 1989. 184 с.

4. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.08.2023)

5. Грамота.ру. URL: <http://www.gramota.ru/> (дата обращения: 15.08.2023)

6. Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 15.08.2023)

7. Изард К. Э. Психология эмоций / Перев. с англ. СПб: Издательство «Питер», 1999. 464 с.

8. Рубина Д. И. Вавилонский район безразмерного города. Издательство «Эксмо», 2019. 270 с.

9. Алефиренко Н. Ф. Теория языка. Вводный курс.: учеб. Пособие для студ. филол. спец. высш. учеб. заведений. 5-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 384 с.

10. Телия В. Н. Типы языковых значений. М.: Наука, 1981. 269с.

11. Толстой Л. Н. Война и мир: роман. В 2 кн. Кн. 1. Т. 1, 2. Москва: Издательство АСТ, 2018. 733 с.

12. Водолазкин Е. Г. Авиатор. Издательство «АСТ», 2016. 416 с.

13. Единый ресурс русскоязычных литературных журналов и альманахов. URL: <https://xn--80alhdjhdxcxy5hl.xn--p1ai/content/russkiy-akcent> (дата обращения: 12.08.2023)

14. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Либроком, 2019. 384 с.

15. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Избранные труды. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.

16. Новый мир. URL: <https://www.rulit.me/books/novyy-mir-5-2004-read-219524-170.html?ysclid=lo7fge7pvq960048375> (дата обращения: 17.09.2023)

17. Сказки. URL: <https://skazki.rustih.ru/lyudmila-petrushevskaya-novye-robinzony/?ysclid=lo7floql6u62722150> (дата обращения: 12.09.2023)

18. Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/read/mamleev_yuriy/sbornik_rasskazov.html#0 (дата обращения: 17.09.2023)

19. Петрушевская Л. С. Нагайна, или Измененное время. Издательство «Эксмо», 2019. 352 с.

20. Агид. URL: <https://artguide.com/posts/1869?ysclid=lmgva3gwx948800477> (дата обращения: 12.09.2023)

References

1. Ivanova, N. (2011). *Zapret na liubov'. O defitsite emotsii v sovremennoi slovesnosti* [The Prohibition on Love. On the Lack of Emotions in Modern Literature]. *Znamia*, No. 11, pp. 3–5. (In Russian)
2. Shakhovskii, V. I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya emotsii* [Linguistic Theory of Emotions]. 416 p. Moscow, Gnozis. (In Russian)
3. Babenko, L. G. (1989). *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsii v russkom yazyke* [Lexical Means of Emotion Designation in the Russian Language]. 184 p. Sverdlovsk, izd-vo Ural. un-ta. (In Russian)

4. *Natsionalnyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 15.08.2023). (In Russian)
5. *Gramota.ru*. URL: <http://www.gramota.ru> (accessed: 15.08.2023). (In Russian)
6. *Vikislovar*. URL: <http://ru.wiktionary.org> (accessed: 15.08.2023). (In Russian)
7. Izard, K. E. (1999). *Psikhologiya emotsii* [Psychology of Emotions]. Perv. s angl. SPb. 464 p. St. Petersburg, Piter. (In Russian)
8. Rubina, D. I. (2019). *Vavilonskii raion bezrazmernogo goroda* [The Babylonian District of the Dimensionless City]. 270 p. Eksmo. (In Russian)
9. Alefirenko, N. F. (2012). *Teoriya yazyka. Vodnyi kurs* [Theory of Language. An Introductory Course]. Ucheb. posobie dlya stud. filol. spets. vyssh. ucheb. zavedenii. 384 p. Moscow, Akademiya. (In Russian)
10. Teliya, V. N. (1981). *Tipy yazykovykh znachenii* [Types of Language Values]. 269 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
11. Tolstoy, L. N. (2018). *Voyna i mir: roman. V 2 kn. Kn. 1. T. 1, 2* [War and Peace: A Novel. In 2 books. Book 1. Vol. 1, 2]. 733 p. Moscow, AST. (In Russian)
12. Vodolazkin, E. G. (2016). *Aviator* [The Aviator]. 416 p. Moscow, AST. (In Russian)
13. *Edinyi resurs russkoyazychnykh literaturnykh zhurnalov i al'manakhov* [A Single Resource of Russian-Language Literary Magazines and Almanacs]. URL: <https://xn--80alhdjhdxcxhy5hl.xn--p1ai/content/russkiy-akcent> (accessed: 12.08.2023). (In Russian)
14. Arutyunova, N. D. (2019). *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy* [The Sentence and Its Meaning. Logical and Semantic Problems]. 384 p. Moscow, Librokom. (In Russian)
15. Apresyan, Yu. D. (1995). *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka. Izbrannye trudy. T. 1* [Lexical Semantics. Synonymous Means of Language. Selected Works. Vol. 1]. 472 p. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian)
16. *Novyi mir* [The New World]. URL: <https://www.rulit.me/books/novyj-mir-5-2004-read-219524-170.html?ysclid=lo7fge7pvq960048375> (accessed: 17.09.2023). (In Russian)
17. *Skazki* [Fairy Tales]. URL: <https://skazki.rustih.ru/lyudmila-petrushevskaya-novye-robinzony/?ysclid=lo7floql6u62722150> (accessed: 12.09.2023). (In Russian)
18. *Elektronnaya biblioteka RoyalLib.com* [Electronic Library RoyalLib.com]. URL: https://royallib.com/read/mamleev_yuriy/sbornik_rasskaz_ov.html#0 (accessed: 17.09.2023). (In Russian)
19. Petrusheskaya L. (2019). *Nagaina, ili Izmenennoe vremya* [Nagaina, or Altered Time]. 352 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)
20. *Agid*. URL: <https://artguide.com/posts/1869?ysclid=lmgva3gwx948800477> (accessed: 12.09.2023). (In Russian)

The article was submitted on 02.11.2023
Поступила в редакцию 02.11.2023

Ивницкий Евгений Иванович,
аспирант,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет,
308015, Россия, Белгород,
Победы, 85.
ewgen12.ivnitskij@yandex.ru

Ivnitsky Evgeny Ivanovich,
graduate student,
Belgorod State National Research University,

85 Pobedy Str.,
Belgorod, 308015, Russian Federation.
ewgen12.ivnitskij@yandex.ru